

Казадаев В.А.

1001 ночь

Арабские сказки. Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В11

В11 **В.А. К.**
1001 ночь: Арабские сказки. Том 2 / Казадаев В.А. – М.: Книга по Требованию,
2022. – 534 с.

ISBN 978-5-519-87557-8

ISBN 978-5-519-87557-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Не знаетъ ничего; при слабомъ управленъи
Живыхъ людей въ куски изрубливаютъ здѣсь
И въ Тигръ бросають ихъ!... Чтобъ это преступленье
Открыто было вмгъ; не то и гнѣвъ мой весь
Падетъ лишь на тебя, и я безъ сожалѣнья
Повѣсить прикажу тебя, не одного,
Но сорокъ человѣкъ твоихъ родныхъ съ тобою!»
Визирь ему въ отвѣтъ: «Но время для того
Мнѣ нужно, государь! О! сжался надо мною!»
— «Даю тебѣ три дня», сказалъ ему калифъ
«Лишь минетъ этотъ срокъ, клянусь тебѣ Аллахомъ,
Повѣшенъ будешь ты.»—Задумчивъ, молчаливъ,
Ушелъ Джяфаръ домой; тамъ думалъ онъ со страхомъ:
«Въ Багдадѣ мудрено убійцу отыскать;
Убилъ ее одинъ и вѣрно уже скрылся
И гдѣ его найти? Чтобы казни избѣжать,
Другой бы, можетъ быть, безсовѣстно рѣшился:
Взявъ изъ преступниковъ... кого нибудь, сейчасъ
Велѣть его казнить, хотя бъ въ убійствѣ этомъ
И не былъ виноватъ, и тѣмъ себя бы спасъ;
Но я неправдою, постыднѣйшимъ извѣтомъ,
Чтобъ кровь невиннаго обрызгала меня,
Не соглашусь марать доселѣ жизнь безъ пятенъ
Позорнѣйшимъ пятномъ; казненъ хотъ буду я.
Но смертный приговоръ мнѣ меньше непріятенъ,
Чѣмъ правильный упрекъ отъ совѣсти моей!»
Созвавши сыщиковъ, ихъ разослалъ повсюду;
Убійцу отыскать велѣлъ имъ поскорѣй:
«Три дня довольно вамъ, ступайте, ждать васъ буду.»
Но тщетно,—не могли убійцы отыскать.
Джяфаръ въ отчаяньи въ четвертый день явился
Къ калифу во дворецъ. Вновь началъ упрекать
Въ безопасности Гарунъ; однако не смягчился,
Не думалъ отмѣнять рѣшенъя своего:
На главной площади, въ виду всего народа,
Повѣсить приказалъ немедленно его

И сорокъ человекъ изъ Бармесидовъ рода,
Джяфару всѣ родня. Туда приводятъ ихъ,
Поставили всѣхъ въ рядъ съ веревками на шеѣ.
Толпившійся народъ взволнованный притихъ;
Любилъ Джяфара онъ: правдивѣе, добрѣе,
Не видѣли они, и слышны вопль и плачъ;
На самовластного роптать они не смѣли
И молча плакали.... Знакъ поданъ и палачъ
Готовъ былъ начинать, въ толпѣ вдругъ зашумѣли:
Красивый юноша въ одеждѣ шегольской,
Пробившись сквозь народъ, къ Джяфару подбѣгаетъ;
Съ неимовѣрною и ловкою быстротою
Онъ узелъ роковой съ несчастнаго снимаетъ
И руки цѣловавъ, Джяфару говоритъ:
«О, мудрый нашъ визирь! правдолюбивый, честный,
Котораго народъ въ душѣ боготворить!
Объ участи твоей плачъ слышенъ повсемѣстный;
Невинный мученикъ! на смерть ты осужденъ
За то, что не нашелъ убійцу; но отъ казни
Моимъ сознаньемъ здѣсь ужъ ты освобожденъ:
Я женщину убилъ!... признаюсь безъ боязни;
Вели же палачу сейчасъ меня казнить.»
Народъ, слова его разслушавъ со вниманьемъ,
Хвалилъ, что самъ себя не думая шадить,
Спасалъ невиннаго. Визирь же съ состраданьемъ
На юношу смотрѣлъ; хотъ жизнь ему онъ спасъ,
Но не напрасно ли себя онъ обвиняетъ?
Великодушія такого ужъ не разъ
Свидѣтелемъ онъ былъ... Вдругъ тоже подбѣгаетъ
Старикъ одинъ въ слезахъ и говоритъ ему:
«Верховный нашъ визирь! судья великодушный!
Убійца я; не вѣрь ты юношѣ сему:
Въ отчаянье онъ впалъ—и къ жизни равнодушный,
Желаетъ умереть, чтобъ тѣмъ спасти меня;
Я старъ и жизнь моя немногимъ сократится!...
Ты будешь справедливъ, преступника казня:

Не онъ, а я убилъ: пусть казнь моя свершится.»
Джяфаръ не понималъ: тутъ двое, не одинъ,
Винять себя; и онъ, подумавши, рѣшился
Къ калифу ихъ отвести: «Великій властелинъ!»
При этомъ въ землю онъ семь разъ предъ нимъ склонился:
«Привелъ я двухъ людей на твой премудрый судъ;
Старикъ и юноша—и оба обвиняютъ
Себя въ убійствѣ томъ; одинъ виновенъ тутъ,
Другъ друга оправдать, винивъ себя, желаютъ.
Рѣши же государь! какъ Богъ будь справедливъ;
Премудростью своей изволь слова ихъ взвѣснить.»
Въ отвѣтъ, не думавши, сказалъ ему калифъ:
«Вели пемедленно обоихъ ихъ повѣсить.»
—«Помилуй государь!» Джяфаръ ему въ отвѣтъ,
«Виновенъ лишь одинъ, другой изъ нихъ невинный;
Въ рѣшеніи твоёмъ, впервые, правды нѣтъ;
Могу ли допустить, чтобъ кровъ леповинной
Ты славу запятналъ великихъ дѣлъ своихъ?...
Прости, о государь! что рабъ дерзнулъ рѣшиться
Такъ смѣло говорить.» Но Аль-Рашидъ притихъ,
Сознавъ вину свою, не могъ онъ разсердиться,
И призадумался. Тутъ юноша сказалъ
Съ порывомъ истины, ничѣмъ неотразимымъ,
Такъ что и самъ старикъ невольно замолчалъ:
«Клянусь я небомъ всѣмъ, для насъ необозримымъ,
Я женщину убилъ! и тѣло изрубивъ,
Въ корзину бросилъ въ Тигръ; въ убійствѣ томъ сознанье,
Внушила совѣсть мнѣ... Когда жъ рассказъ мой лживъ,
Пусть справедливый Богъ, Творецъ всего созданья,
Когда Свой страшный судъ надъ смертными начнетъ,
Меня за эту ложь, за клятвопреступленье,
На муку вѣчную къ преступнымъ оттолкнетъ!»
Онъ этой клятвою разсѣялъ все сомнѣнье:
Повѣрилъ Аль Рашидъ; тѣмъ больше, что старикъ
Ему не возражалъ. Властитель самовластный
Съ участиемъ тутъ сказалъ: «Проступокъ твой великъ!...

Но что припудило убійцей быть? несчастный!
И какъ рѣшился ты себя самъ обвинять?»
— «Могучій властелинъ всѣхъ въ мірѣ правовѣрныхъ!»
Преступникъ отвѣчалъ — «Когда бы описать
Цѣль подозрѣній всѣхъ, уликъ столь достовѣрныхъ,
Которыя меня къ убійству привели,
Конечно бѣ людямъ всѣмъ урокомъ послужило,
Какъ страшно довѣрять наружности... внемли
Премудрый государь! Ты, дивное свѣтило,
Которымъ нашъ Творецъ полміра освѣтилъ!»...
Калифъ, хотя былъ мудръ, но все же было лестно
Сравненіе юноши: онъ имъ доволенъ былъ:
(Лестъ въ сердцѣ уголокъ отыщеть, какъ извѣстно
Изъ басни дивной той, которой переводъ
И подлинникъ затмилъ: Ворона и Лисица.)
Сравненіе лестное, какъ громовой отводъ,
Полезно иногда — и молодой убійца
Признаемъ укротить калифа гнѣвъ сумѣлъ:
Гарунъ далъ знакъ рукой не казни приказанье,
Нѣтъ; онъ виновнику рассказывать велѣлъ
И ужъ въ глазахъ его замѣтно состраданье.
Несчастный юноша не могъ восторга скрыть,
Что случай есть излить душевное мученье,
И что рассказомъ тѣмъ достигнеть, можетъ быть,
Жестокой совѣсти убавить угрызенье.

Исторія умерщвленной женщины и молодого ея мужа.

«Та жертва юная, изрубленная мной,
Была жена моя; старикъ — ея родитель;
Отецъ мой братъ ему, онъ дядя мнѣ родной.
Какъ умеръ мой отецъ, онъ былъ мой попечитель;
Единственную дочь, двѣнадцати лишь лѣтъ,
Онъ выдалъ за меня. Все шло благополучно:
Прелестная жена, любви моей предметъ,
Мнѣ счастье принесла; мы жили неразлучно
При дружбѣ и любви. Она мнѣ родила

Трехъ милыхъ сыновей, которые всѣ живы;
Какъ мать и какъ жена, примѣрною была:
Всѣ эти похвалы, къ несчастью, справедливы!...
Тому два мѣсяца занемогла она;
Чтобъ вылѣчить ее я приложилъ старанье
И чрезъ мѣсяцъ встать могла уже жена.
Тутъ въ баню идучи, чрезмѣрное желанье
Покушать яблоковъ вдругъ изъявила мнѣ;
Я тотчасъ побѣжалъ, чтобъ ихъ купить; но тщетно,—
Нигдѣ ихъ не нашелъ. Сказалъ о томъ женѣ;
Въ большихъ глазахъ ея печаль была замѣтна,
Не ѣла, не пила и не смыкала глазъ.
(Въ болѣзняхъ и въ родахъ причудъ у нихъ немало;
Чего захочется, такъ подавай сейчасъ.)
При пламенной любви ее мнѣ жалко стало;
Въ испугѣ думалъ я, что можетъ занемочь,
И эта мысль меня тревожила ужасно!
Вотъ, рано поутру, не спавши всю ту ночь,
Чтобъ яблоки найти, обѣгалъ я напрасно
Сады всѣ въ городѣ,—нигдѣ не могъ достать;
Одинъ садовникъ мнѣ сказалъ, что въ эту пору
Лишь въ Бальсорѣ въ садахъ калифа ихъ сыскать;
Боясь подвергнуться отъ совѣсти укору;
Простился я съ женой и поспѣшилъ туда.
Хоть очень далеко, но ровно въ двѣ недѣли
Привезъ три яблока; и денегъ и труда
Мнѣ много стоили. Жену нашелъ въ постелѣ:
Слаба еще была; но къ яблокамъ у ней
Желанье ужъ прошло; за трудъ благодарила
И взявши яблоки, ихъ на софѣ своей,
Какъ будто нѣхотя, небрежно положила.
Спустя дней нѣсколько, я на базарѣ былъ.
Тамъ лавка у меня: торгую я парчами.
Вошелъ вдругъ черный рабъ; меня онъ поразилъ
Своею рожеею съ огромными губами;
Держалъ онъ яблоко, я тотчасъ же узналъ:

Оно одно изъ тѣхъ, что я купилъ недавно.
Когда я самъ съ трудомъ тѣ яблоки досталъ,
Рабу ничтожному, какъ этотъ былъ, подавно
Достать ихъ мудрено; и я его спросилъ:
Откуда яблоко? Онъ отвѣчалъ съ усмѣшкой:
«Отъ милой женщины сегодня получилъ;
Она хотя больна, но муженькомъ какъ пѣшкой
Вертитъ по своему: вотъ вздумала она
Послать въ далекій путь—и цѣлыхъ двѣ недѣли
За яблоками мужъ проѣздилъ; а жена,
Со мной позавтракавъ сегодня на постелѣ,
Дала мнѣ яблоко.» Ушелъ тотъ рабъ едва,
Я, лавку заперши, домой пошелъ скорѣе;
Пришелъ—и на софѣ увидѣлъ только два
Изъ тѣхъ трехъ яблоковъ и молніи быстрѣе,
Какъ бы помѣшанный, я бросился къ женѣ:
«Гдѣ третье яблоко? куда его дѣвала?»
Но хладнокровная, спокойная вполне:
«Не знаю гдѣ оно» она мнѣ отвѣчала.
Мнѣ ревность поселилъ невольника рассказъ,—
Вскипѣла месть въ душѣ: не могъ имѣть сомнѣнья
Въ невѣрности жены,—кипжалъ блеснулъ сейчасъ
И я неистово, въ порывѣ изступленья,
Убилъ несчастную, ей голову срубилъ
И тѣло пѣжное все изрубилъ на части!...
Въ корзину уложивъ, я въ Тигръ ее спустилъ
Вечернею порой, чтобъ городскія власти
Не видѣли меня. Когда домой пришелъ,
Отъ мщенья дикаго съ кипящею душою,
То старшаго сына въ тоскѣ, въ слезахъ нашелъ;
Причину чтобъ узнать, обнявъ его рукою,
Спросилъ я ласково: объ чемъ онъ такъ рыдалъ?
Взволнованный дитя отвѣтилъ мнѣ рыдая:
«Безъ спросу яблоко у маменьки я взялъ
И бѣгалъ по двору, тѣмъ яблокомъ играя.
Подкрался вдругъ ко мнѣ какой-то черный рабъ.

Изъ рукъ моихъ схвативъ то яблоко проворно,
Назадъ не отдавалъ; я слишкомъ еще слабъ,
Чтобъ спорить съ силачемъ, и сталъ просить покорно,
Чтобъ отдалъ мнѣ его; при этомъ разсказалъ,
Что матушка больна, и въ Бальсору нарочно
Тѣ яблоки купить отецъ мой уѣзжалъ,
Гдѣ былъ пятнадцать дней.»—Разсказъ его мнѣ точно
Кинжаломъ въ сердце былъ: невинною была
Моя несчастная, безцѣнная супруга!
И ревность съ бѣшенствомъ къ убійству навела
Прелестнѣйшей жены, единственнаго друга!....
Тутъ въ скоромъ времени пришелъ ея отецъ—
Вотъ этотъ старичекъ; и тотчасъ откровенно
Любезной дочери ужаснѣйшій конецъ
Ему я разсказалъ: какъ злобно и мгновенно
Убилъ изъ ревности и что потомъ узналъ
Ея невинность всю! Упреки и угрозы
Старикъ не произнесъ, а только зарыдалъ....
Слились въ рыданіяхъ отца и мужа слезы!
Проплакали объ ней мы цѣлые три дня.

Когда же я узналъ про грозное велѣнье
И что визирь Дѣяфаръ казнь приметъ за меня,
Рѣшился я открыть, что въ этомъ преступленіи
Виновенъ я одинъ..... О, мудрый нашъ калифъ!
Вели же казнь свершить: преступникъ предъ тобою!»

Задумчивъ былъ Гарунъ; тотъ случай обсудивъ,
Сказалъ Дѣяфару онъ: «Убійца предо мною;
Аллахомъ и людьми онъ долженъ быть прощенъ:
При множествѣ уликъ, разсудкомъ овладѣла
Неистовая страсть. Рабъ долженъ быть казненъ
За ложь и клевету... Теперь визиря дѣло
Раба преступнаго стараться отыскать;
Даю три дня; не то—ты самъ пойдешь на плаху;
Ступай!»—Дѣяфара жизнь въ опасности опять;
Предаться не хотѣлъ отчаянью и страху—

Отличный человѣкъ, сановникамъ примѣръ!
Раба того искать онъ не далъ приказанья
И духомъ не упалъ какъ истый правовѣръ,
Сносилъ смерть ему, чѣмъ смерти ожиданье;
Упрека совѣсти бояться онъ не могъ,
Такъ покоряся судьбѣ, на деспотизмъ въ досадѣ,
Онъ думалъ про себя: «Коль не поможетъ Богъ,
Искать не буду я; какъ отыскать въ Багдадѣ?
При многолюдствѣ здѣсь тьма тмущая рабовъ.»
Два дня въ семьѣ его лишь слышны вопли, стоны;
На третій день Джафаръ ужъ къ казни былъ готовъ,
Какъ честный человѣкъ, котораго законы
Не могутъ осудить, но осудилъ деспотъ;
Его дѣла и жизнь примѣрно чисты были;
Аллаху за него молился весь народъ.
Къ нему въ тотъ самый день явиться поспѣшили
И кади главный самъ и нѣсколько людей;
Онъ самъ духовную писалъ съ закономъ сходно,
А кади подписалъ; свидѣтельство на ней
Пришедшихъ подписать просилъ поочерѣдно:
Что въ твердой памяти и въ здоровѣ бывъ умѣ
Писалъ духовную.—Калифа приказанье
Явиться поскорѣй принесть посолъ въ чалмѣ,
И въ домѣ началось послѣднее прощанье:
Онъ цѣловалъ жену, дѣтей благословлялъ;
Когда къ нему ввели меньшую его дочку,
Отецъ несчастнѣйшій слезами обливалъ
Ребенка милого по пятому годочку;
Но вдругъ замѣтивши, что яблоко у ней
Въ кармашкѣ спрятано, спросилъ ее поспѣшно:
«Откуда яблоко? скажи мнѣ поскорѣй!»
Хоть плакала она при этомъ неутѣшно,
Но отвѣчать отцу у ней достало силъ:
«Любезный батюшка! я яблоко купила;
Невольникъ твой Риганъ ¹⁾ мнѣ продалъ; запросилъ

¹⁾ Риганъ по-арабски: душистый василекъ или базиликъ.

Хоть дорого, но я сейчас же заплатила;
На этомъ яблокѣ калифа имя есть.»
Отъ словъ малюточки Джяфаръ былъ въ восхищеніи;
Ригана тотчасъ же велѣлъ къ себѣ привести:

«Гдѣ яблоко укралъ? негодное творенье!»

Рабъ откровенно все, какъ было, разсказалъ,
Визирь немедленно къ калифу съ нимъ явился.
Рабъ тоже повторилъ; Гарунъ когда узналъ,
То смѣхъ имъ овладѣлъ, хоть долго онъ крѣпился;
Но вдругъ опомнился и взявши строгій видъ
Джяфару онъ сказалъ: «Невольникъ твой виновенъ!
И висѣлицы онъ за то не избѣжитъ.»

—«Предъ закономъ рабъ съ вельможей всякимъ ровень»

Сказалъ ему Джяфаръ: невинныхъ защищать
Всегда онъ былъ готовъ. «Виновенъ рабъ въ бахвальствѣ,
Въ ничтожномъ воровствѣ—и къ смерти осуждать
За это, при тебѣ и при моемъ начальствѣ,
Примѣровъ не было. Хоть твой приказъ—законъ,
Но прежде чѣмъ рѣшишь, прошу имѣть терпѣнье
Разсказъ мой выслушать—займетъ конечно онъ;
Съ условьемъ, что рабу даруешь ты прощенье
Когда понравится разсказанное мной.»

—«Изволь, согласенъ я», сказалъ калифъ Джяфару;

«Однако же, наврядъ, чтобы разсказъ какой
Могъ предъидущему разсказу быть подъ пару:
И если плохъ разсказъ, то будетъ рабъ казненъ.»

Джяфаръ ему въ отвѣтъ: «Имѣю упованье,
Великій государь! что будетъ рабъ прощенъ.»

И тутъ же началъ онъ свое повѣствованье.

Разсказъ о Нурединѣ-Али и Бедерединѣ-Гассанѣ.

«Въ Египтѣ нѣкогда жилъ-былъ одинъ султанъ;
Любимъ народомъ всѣмъ, онъ лишь врагамъ былъ стра-
шенъ;

Бывъ мудръ и справедливъ, нисколько не тиранъ,
Онъ добродѣтелю и славой былъ украшенъ:

Кормилъ сиротъ и вдовъ и бѣднымъ помогалъ.
Стараясь развивать въ народѣ просвѣщенъе,
Ученыхъ всѣхъ любилъ, ихъ часто возвышалъ
До высшихъ должностей султанскаго правленья;
Изъ нихъ визиря онъ избрать себѣ сумѣлъ,
Который велъ дѣла умно и осторожно.
Визирь верховный тотъ двухъ сыновей имѣлъ,
Ужъ лучше тѣхъ дѣтей имѣть едва ли можно:
Шемседдинъ ¹⁾ Магометъ его сынъ старшій былъ,
А Нурединъ ²⁾ Али, меньшей, онъ отличался
Особенно умомъ, весьма ученымъ слылъ.

Когда достойнѣйшій родитель ихъ скончался,
Обоихъ сыновей позвать велѣлъ султанъ.
Предъ входомъ въ тронную, на каждого надѣли
Съ широкимъ галуномъ матерчатый кафтанъ.
Вторыхъ визирей чинъ при этомъ ужъ имѣли.
Когда представились, султанъ имъ говорилъ:
«Понятна ваша скорбь при горестной потерѣ
Достойнаго отца, котораго цѣнилъ;
Служите такъ какъ онъ: въ хорошемъ томъ примѣрѣ
Найдите какъ служить.» Они ушли домой;
Весь мѣсяцъ траура все дома оставались;
Потомъ, какъ требовалъ обоихъ чинъ большой,
Въ назначенные дни въ Совѣтъ они являлись.
Султанъ все болѣе имъ милость изъявлялъ:
Изъ нихъ по одному на каждую охоту
Поочередно онъ съ собою приглашалъ.

При жизни счастливой, пріятную заботу
Имѣли лишь одну и думали не разъ,
Чтобъ болѣе еще другъ съ другомъ породниться:
Въ одинъ и тотъ же день, въ одинъ и тотъ же часъ
На двухъ родныхъ сестрахъ обоимъ имъ жениться.
Сыскать немудрено двухъ милыхъ дочерей

¹⁾ Шемседдинъ—по арабски свѣтило вѣры.

²⁾ Нурединъ—солнце вѣры.